

Л.Н. Курцев

Новый пространственно-временной контекст повседневности: вербальные, визуальные и хронологические перемены в годы революции и Гражданской войны в городах Советской России

Советская Россия в годы Гражданской войны жила во многих отношениях новой жизнью, вызванной небывалыми до этого времени социальными потрясениями и сменой идеологии. Всё было в той или иной степени низвергнуто: и политическая система, и экономика, и культура, и религия. На первый взгляд, изменялись и самые основы быта, глубины народной жизни. Претерпевали серьёзные изменения повседневные практики жизнедеятельности человека. Новые взгляды на традиционные ценности (брак, религия, жизнь и смерть...) всё более стали сказываться на массовом сознании.

В таких условиях большевистская власть решила закрепить эти по своей сути «внешние» революционные перемены внешними же символами. Октябрьский переворот был не только политическим трамплином большевиков, но и настоящим, как они пытались показать, началом революционно нового этапа в развитии всех сфер жизни в России и в мире. Появилась новая государственная символика – новый гимн (сначала Марсельеза, затем Интернационал), новый герб с изображением серпа и молота вместо двуглавого орла. Низвергнуты были старые изобразительные символы и созданы взамен них новые скульптуры, памятники в контексте политики монументальной пропаганды. Наконец, появились новые бытовые практически применимые символы – новое времяисчисление и новый календарь, новое правописание и новая топонимика, новояз, новая система измерения мер и весов.

В данной работе мы остановимся на таких инструментах конструирования советской пространственно-временной парадигмы, как монументальная пропаганда (визуальное воздействие), расцвет новой топонимики (вербальное влияние), реформа календаря и времени (хронологическое потрясение).

Особую роль в создании новой «пролетарской» реальности играли переименования и декоративно-пространственные перемены в городах (уничтожение старорежимных скульптур и памятников и установка взамен их новых революционных), проводившиеся в рамках политики монументальной пропаганды. Это были далеко не просто выдумки «кремлёвских мечтателей» в центре и их представителей на местах, вошедшие в повседневный лексикон и визуальную картину окружающей советской действительности горожан. Это была серьёзная политика, направленная на создание нового надреального мира символов, нового семантического измерения бытия. Условно назвать его можно «советским», но, по сути, оно было в годы Гражданской войны именно военно-коммунистическим. Массы весьма восприимчивы именно к слуховым и зрительным эффектам, а не к рациональному осмыслению действительности.

Производимые в стране перемены и невзгоды обличались в новые звуковые и визуальные формы. Яркая, броская подача, повторения одной и той же мысли помногу раз. Вместо нового содержания предметы и понятия получали новые форму и название, оставаясь по сути прежним. По мнению же власти, эта подмена должна была быть, добровольно или нет, но воспринята и принята массами.

Одним из важнейших инструментов конструирования новой, на наш взгляд, псевдореволюционной модели мира в РСФСР в годы Гражданской войны и в 1920-е гг. стала целенаправленная пропагандистская кампания властей по изменению внешнего облика городов с помощью уничтожения старых памятников-символов и создания новых аналогов.

Под монументальной пропагандой понимают выдвинутый В. И. Ульяновым-Лениным план развития монументального искусства в условиях победы Великой Октябрьской социалистической революции и комплекс мероприятий Советского правительства по реализации этого плана. Началом монументальной пропаганды был декрет СНК от 12 апреля 1918 г. «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской Социалистической Революции» («О памятниках республики»). Декрет предусматривал снятие монументов, не имеющих исторической и художественной ценности, создание произведений революционного монументального искусства¹.

Уже к 1 мая 1918 г. был снят или закрыт ряд монархических памятников. 28–30 апреля 1918 г. ломали памятник генералу Скобелеву в Москве. Тогда же в первопрестольной сняли корону с памятника императору Александру III. 1 мая 1918 г. для большего демонстрационного эффекта скульптуру Александра III устроители пролетарского праздника завесили черной тканью, а на шею натянули верёвку².

В Петрограде за 1918–1919 гг. большевики сняли 10 старых скульптур. Уже тогда на Дворцовой площади с Александровской колонны предполагалось убрать ангела и на его место водрузить Ленина. Этого сделать не удалось, так же, как и позднее фигуру Сталина пытались, но не решились поставить на столпе Монферрана.

В конце апреля 1918 г. был открыт первый в России временный памятник К. Марксу в Пензе (скульптор Е.В. Ревдель). Новые скульптуры часто создавали те же авторы, чьи старые изваяния скидывались с пьедесталов. Были и авангардистские творения созданные в, мягко сказать, необычной манере. К примеру, вид Дантона или С. Перовской работы советских кубофутуристов по праву ужасал публику.

30 июля 1918 г. СНК был утверждён список новых памятников, которые предполагалось воздвигнуть в память революционеров и прогрессивных деятелей культуры всех времён и народов (69 имён). Первым из них сооружён памятник А.Н. Радищеву в Петрограде (скульптор Л.В. Шервуд, открыт 22 сентября), повторенный затем для Москвы (открыт 6 октября). Празднование первой годовщины Октябрьской революции было

¹ Большая советская энциклопедия. Электронная версия последнего издания в 30 т. 1970-1978.

² Готьё Ю.В. Мои заметки. М., 1997. С. 135-136.

отмечено открытием многих новых памятников, мемориальных досок с агитационными надписями, а также архитектурно-живописным оформлением городов (Москва, Петроград, Саратов, Витебск и др.). Тогда в Москве появились «временные» памятники Каляеву, Робеспьеру и другим героям революционной борьбы с монархией разных стран. Всего за 1918–1920 гг. в Москве и Петрограде были установлены более 40 новых памятников³.

Осуществление политики монументальной пропаганды осложнялось большими организационными и материально-техническими трудностями. Монументальные произведения первых лет советской власти создавались преимущественно как временные, из дешёвых материалов (гипс, бетон, дерево). Большинство из них до наших дней не дошло. Многие рассыпались от ветра, дождя и снега к прискорбию лидеров большевиков. Лучшие памятники и доски предполагалось впоследствии перевести в «вечные» материалы.

Если в столицах хотели многое, но не на всё решались (ангел на Александровском столпе остался нетронут), то в провинции делали всё, до чего доходили руки. Монументальная пропаганда получила весьма широкое развитие в провинциальных городах. В решимости покончить с символами проклятого прошлого провинциальная партийная элита едва ли не опередила столичную.

В Рыбинске, например, предположительно в августе 1918 г. скульптуру Александра II работы известного скульптора А.М. Опекушина (1914 г.) на местной Красной площади скинули с пьедестала и утопили в Волге. Документов о принятии решения не сохранилось. Вероятно, как считает современный рыбинский архитектор В.Г. Семёнов, судьбу памятника решили на экстренном ночном заседании члены президиума горисполкома Рыбинского совета. Участники заседания скинули бронзовую двухтонную фигуру императора, с помощью лошадей дотащили до причала, погрузили на паром и бросили в воду⁴. На его месте появилась наковальня из железнодорожных мастерских, увенчанная пролетарскими символами – серпом и молотом. Скульптурная композиция получила название памятник Трудю. Позднее его сменили Лениным⁵. Впервые гипсовый Ильич появился на старорежимном постаменте в 1924 г. Затем его заменили бетонным. Окончательный неординарный образ из бронзы – Ленин в «зимнем» – сложился в 1957 г.

Подобная судьба ждала памятник спасителю царя и отечества И.О. Сусанину в Костроме. Коленопреклоненный перед юным Михаилом Федоровичем Романовым народный герой работы скульптора В.И. Демут-Малиновского (1853 г.) явно не вписывался в раннебольшевистские представления об иерархии исторических событий, тем более связанных с воцарением только что свергнутой династии. Колонну опрокинули летом 1918 г. и закопали прямо на Советской площади. Бронзовые фигуры Романова и Сусанина, по

³ Петроград на переломе эпохе: Город и его жители в годы революции и гражданской войны. СПб., 2000. С. 322-323; *Лебина Н.Б., Чистиков А.Н.* Обыватель и реформы: картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десятилетия. СПб., 2003. С. 20; Отечественная история XX век. М., 1999. С. 242.

⁴ Возможно, памятник был отправлен в Петроград на переплавку, а не утоплен в Волге.

⁵ *Сысоев А.* Вождь и монарх на одном постаменте // Золотое кольцо. 2004. 13 мая.

разным мнениям, затопили, закопали или отправили на переплавку. Постамент от памятника поначалу использовали для новых «героев», а в 1932 г. пустили на щебень⁶.

Материальные сложности не могли необоримо помешать попираню старого мира новыми ценностями. В Ярославле напротив церкви Ильи Пророка на центральной Советской площади в ноябре 1919 г. установили один из первых прижизненных памятников Ленину в нашей стране. На пленуме ярославского горисполкома 31 октября 1919 г. в числе прочих обсуждался вопрос «Об избрании места для постановки бюста т. Ленина и о командировании члена исполкома за бюстом Ленина в Москву». Было принято решение установить бюст тов. Ленина на Советской площади ко дню второй годовщины Октябрьской революции и площадь переименовать вместо Советской в площадь имени В.И. Ленина⁷.

Памятник представлял собой небольшой гипсовый бюст работы московского скульптора Г.Д. Алексеева на двух-трёхметровом постаменте. Модель первого бюста Ленина он создал ещё в феврале 1919 г. С августа 1919 г. до февраля 1920 г. в Советской России, вероятно, в контексте подготовки к 50-летнему юбилею Ленина, были установлены эти типовые бюсты в 29 городах⁸. В числе первых был и Ярославль.

К пятой годовщине Октября, вероятно, развалившийся под воздействием природных явлений бюст был заменён памятником вождю в полный рост на интересном ступенчатом (в виде лестницы или трибуны) пьедестале. Скульптор А.Ф. Самарин выполнил его также из гипса, покрашенного под бронзу. Судьба памятника в скором времени повторила судьбу бюста. Как утверждает ярославский краевед В. Храпченков, ярославцы оказались дважды первыми в Советской России: первый бюст в 1919 г. и первый памятник в 1922 г. вождю появились на Советской площади в Ярославле⁹. Раньше временем появления изваяний вождя считался 1924 г. Очевидно, что культ личности зарождался ещё при жизни Ленина.

В г. Тутаеве был открыт один из первых в Советской России памятников К. Марксу в 1921 г. Заложен он был ещё в ходе Всероссийского субботника 1 мая 1920 г. в центре появившегося на месте Базарной площади городского сквера. Первый кирпич в основание возложил глава местной парторганизации, старейший романовский большевик Н.Н. Панин. Спустя ровно год, 1 мая 1921 г., в торжественной обстановке был открыт и сам «скромный», как о нём написали тутаяевские «Известия», памятник в виде невысокого постаamenta и бюста Карла Маркса на нём. Работу осуществил местный скульптор С.П. Дуденков¹⁰. Памятник сохранился до наших дней.

Возможно, прав германский историк Штефан Плаггенборг, считающий, что большевики «этими монументами... стремились замаскировать отсутствие своей

⁶ Зонтиков Н.А. Возвращение Родины. О восстановлении исторических названий Костромского края // Костромская земля. Краеведческий альманах. Вып. I. Кострома, 1990. С. 21.

⁷ Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. Р-238. Оп. 2. Д. 16. Л. 291.

⁸ Арутюнов А.А. Досье Ленина без ретуши. Документы. Факты. Свидетельства. М., 1999. С. 554.

⁹ Надеждин Ю. Прост и жесток, как правда революции // Северный край. 1995. 21 января; Храпченков В. Памятник при жизни // Северный край. 1998. 14 марта; Он же. Ярославцы были первыми // Там же. 2000. 22 апреля.

¹⁰ Конюшев К.В. Тутаев: Исторический очерк. Ярославль, 1989. С. 103-104.

собственной истории с помощью сконструированной преемственности», преемственности с «идеей, за которую страдали и умирали люди», и воплотилась эта общечеловеческая идея «свободы, равенства, братства» в лице коммунистической партии¹¹. Скорее всего, это лишь один из аспектов. На наш взгляд, визуализация и материализация новых идей в виде произведений монументальной пропаганды по существу являла собой полумагическое, ритуальное закрепление, подтверждение, увековечивание «перемен» и даже легитимацию действий СНК на уровне сознания и подсознания городских жителей Советской России.

Ещё одним способом создания нового знакового мира в повседневной жизни городов были многочисленные переименования площадей, улиц, переулков, гимназий, приютов, клубов в городах на советский лад. Причём большая часть переделок названий на уровне внутригородской микротопонимики из всего рассматриваемого периода приходилась именно на 1918 г. В северной столице, к примеру, за 1918 г. произошло 54 смены названия, в 1919 г. – всего 4, в 1920 – только 2¹². То есть за три полных года гражданской войны примерно 90% переименований случилось в 1918 г. Не случайно, большую часть идеологической волны власти выплеснули на массы именно в переломный во многих отношениях 1918 год. Переломным он был в первую очередь для сознания городских обывателей, на коих и был рассчитан поток монументальной пропаганды и кампании переименований.

Ярославль в затронутом сюжете не отставал от прочих городов. Весной 1918 г. «столица» Верхнего Поволжья оказалась даже на передовых позициях. Одни из первых в стране ярославские коммунисты приступили к переименованиям. В краеведческой литературе советских лет трактовалось это решение местного горисполкома от 25 апреля 1918 г. как «проявление революционной активности трудящихся масс», потребовавших переименовать более десятка улиц, площадей и гимназий в Ярославле. Основные примеры переименований накануне 1 мая 1918 г. следующие: ул. Власьевская – ул. Свободы, ул. Духовская – ул. Республиканская, Соборная площадь – площадь Мира, Екатерининская гимназия – гимназия им. Софьи Перовской и др.¹³ Лейтмотивом переименований была замена названий с религиозной окраской и персонифицированных со старорежимной атрибуцией на более революционную.

Переименования эти получили широкий резонанс. Московский чиновник и обыватель Н.П. Окунев отметил их даже в своём дневнике: «Ярославль уподобляется Пензе, мечтающей о памятнике Марксу. Перекрестил Большую Федоровскую ул. в Большую Пролетарскую, Большую Линию – в Линию Социализма... Дураки! – и больше ничего»¹⁴. Ряд простых горожан, судя по этой цитате, воспринимали все эти новшества в штыки. Для нас важно то, что в любом случае эти действия однозначно вызывали ту или иную реакцию,

¹¹ Плаггенборг Ш. Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма / Пер. с нем. И. Карташёвой. СПб., 2000. С. 276-277.

¹² Петроград на переломе эпох. СПб., 2000. С. 323.

¹³ Ярославль социалистический. Очерки по истории города. Октябрь 1917-1957. Ярославль, 1960. С. 39.

¹⁴ Окунев Н.П. Дневник москвича (1917–1924). Париж, 1990. С. 182.

эмоции, а значит, откладывались в сознании, в памяти, в конечном счёте, имели свой положительный, необходимый для власти эффект.

Переименования стали явлением повсеместным, но начался этот процесс ещё до прихода к власти коммунистов. Как отмечает историк Б.И. Колоницкий, большевики стали использовать уже утвердившуюся в ходе Февральской революции систему революционной символики. Например, после посещения Ярославля в 1917 г. «бабушки русской революции» Е.К. Брешко-Брешковской Ярославский общественный парк стал носить её имя¹⁵. Случилось это до свершения Октябрьского переворота.

На наш взгляд, стоит всё-таки говорить не об использовании сложившейся революционной символики, а о применении самого принципа, свойственного любой революции, как и всякой новой власти, самоутверждения с помощью создания новых семантических пространств и знаковых систем в виде переименований, установки новых мемориалов и т.д.

Процесс пошёл и набирал обороты. С 14 сентября 1918 г. Сусанинская площадь в Костроме стала называться площадь Революции. А вскоре произошло массовое переименование основных улиц и площадей города, приуроченное к первой годовщине Октябрьской революции – к 7 ноября 1918 года. Именно тогда в Костроме появилась Советская площадь (бывшая Воскресенская), ул. Ленина (бывшая Еленинская), ул. Троцкого (бывшая Новотроицкая, ныне – ул. Козуева), ул. Луначарского (бывшая Павловская, ныне – пр. Мира), ул. Чрезвычайки (это название бывшая Никольская улица получила по разместившемуся тогда в начале этой улицы губернскому отделению ВЧК), ул. Советская (бывшая Русина), ул. Пролетарская (бывшая Царевская, ныне – пр. Текстильщиков) и ряд других. Тогда же, в 1918 г., в окрестностях Костромы был переименован ряд старинных слобод: Спасо-Никольская слобода за Волгой – в слободу Metallистов, Ипатьевская (или – Богословская) и Андреевская за рекой Костромой соответственно – в Трудовую и Рабочую¹⁶.

Весной 1920 г. в Ярославле, вернее всего, к 50-летию вождя, Советскую площадь перекрестили в площадь им. Ленина¹⁷. Помимо имён собственных и революционных понятий была задействована и цветовая революционная символика. Например, в годы Гражданской войны появилась в Ярославле своя Красная площадь вместо бывшей Семёновской и Красная улица вместо бывшей ул. Стрелецкой (ныне – ул. Ушинского). Название произошло от находившегося в этом районе в городской усадьбе городского головы Лопатина штаба Красной Гвардии весной 1918 г.

¹⁵ Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 г. СПб., 2001. С. 341-342. С. 230-231.

¹⁶ Государственный архив новейшей истории Костромской области (ГАНИКО). Ф. Р-383. Оп. 1. Д. 33. Л. 118.

¹⁷ ГАЯО. Ф. Р-208. Оп. 1. Д. 6. Л. 93.

Некто скрывшийся под псевдонимом Ан. Речной в конце января 1919 г. выступил на страницах ярославской печати с резкой критикой положения дел с переименованиями¹⁸. Дело в том, что многие улицы и учреждения были переименованы, но доски и вывески продолжали висеть старые. Они не были заменены новыми, хотя с момента первых преобразований в данной сфере прошло почти десять месяцев. 10% учреждений, как указывал автор, имели только бумажные вывески. Над административными зданиями не было красных флагов, в отличие от Нижнего Новгорода. Ан. Речной предложил исправить ситуацию с вывесками и, помимо этого, переименовать набережную «честной советской реки Волги» в Ярославле следующим образом: от Арсенальной башни до Семёновского моста – набережная им. Степана Разина, от Семёновского моста до церкви апостолов Петра и Павла – набережная им. Емельяна Пугачёва, от Арсенальной башни до Михайлова поля (почты) – стрелка им. Максима Горького.

Материальные трудности давали о себе знать. Кумачовых флагов на зданиях на самом деле было очень мало, а те, что развевались на ветру, меняли крайне редко. Поэтому часто они выцветали на солнце так, что превращались в белые¹⁹. Материалов не хватало и для новых табличек на здания. Краска, чернила, бумага – всё это было в списке остродефицитных товаров.

В то же время, в начале 1919 г., в г. Рыбинск положение со сменой табличек и указателей было более удовлетворительным, чем в Ярославле. «С внешней стороны работа в Рыбинске поставлена очень хорошо. Уже на въезде в город вы видите совершенно ясные следы ее: на всех углах размещены новые железные дощечки с названиями улиц: проспект Ленина, ул. Троцкого, Луначарского, Урицкого, Бакунина, Герцена, Толстого, Пушкина и т.д., хотя улицы в обычной жизни обывателями и даже советскими работниками именуется по-прежнему: Крестовая, Московская и т.д... На площадях города стоят специально построенные деревянные трибуны, похожие больше на какие-то эшафоты...» – отмечал столичный наблюдатель²⁰.

В Ярославле даже к середине 1920 г. ситуация напоминала описанную Ан. Речным в местной советской газете в январе 1919 г. Так, обязательное постановление Ярославского горисполкома от 31 августа 1920 г. предполагало в месячный срок «устранить все старые вывески, плакаты, объявления, рекламы и прочий ненужный хлам как антихудожественное наследие прошлого, обезображивающее внешний облик городов»²¹.

Всё-таки не только материальные сложности мешали одновременно и бесповоротно перейти на новые названия. Одни и те же улицы в разных архивных документах эпохи гражданской войны значатся то по-старому, то по-новому. На старых досках, в обывательской речи, в официальной документации зачастую применялись старые названия.

¹⁸ Известия ярославского губернского исполнительного комитета советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1919. 22 января.

¹⁹ Известия ярославского губернского исполнительного комитета советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1919. 5 августа.

²⁰ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 65. Д. 85. Л. 6.

²¹ ГАЯО. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 506. Л. 319.

Старые привычки и консерватизм обывателей также способствовали тому, что новые названия зачастую в годы Гражданской войны сохранялись только на бумаге постановлений горисполкомов. В этом проявлялось извечное противоречие между новыми ценностями и вековыми традициями.

Меняли названия не только улицы в городах, но и сами города. Исследователи В.П. Нерозник и М.В. Горбаневский справедливо пишут о топониме, как имени, наполненном временем, и о «политике, опрокинутой в географию», применительно к России в советское время²². По существу, топонимика, безусловно, является зеркалом любой эпохи, в особенности ранней советской.

С.А. Никитин, один из ведущих современных специалистов по советской топонимике, выделяет в становлении и развитии ранней советской топонимики два основных периода. Первый период длился с января 1918 г. по июль 1919 г. Начало его ассоциируется с введением декрета «О порядке изменения границ губернских, уездных и прочих» от 27 января 1918 г. Местные органы власти, в соответствии с этим документом, могли самостоятельно менять административно-территориальные границы и переименовывать населённые пункты, всего лишь извещая о произведённых действиях НКВД для фиксации и опубликования в печати. Так начался недолговечный период топонимической анархии, в ходе которого власти на местах часто опережали мысль и действием центр. За это время были официально утверждены семь инициированных на местах переименований²³.

Второй этап, ознаменовавший завершение анархии, начался в июле 1919 г. Тогда увидело свет постановление СНК от 25 июля 1919 г. Территориально-административное деление теперь утверждалось НКВД в обязательном порядке «по представлению местных органов». В январе 1920 г. была создана Административная комиссия при президиуме ВЦИК, которая взяла на себя основной груз решения задач в области территориальных споров. Годом позже, в январе 1921 г., был издан запрещающий циркуляр Административной комиссии: «о запрещении переименования отдельных населённых пунктов... без разрешения НКВД ввиду происходящих недоразумений при почтово-телеграфных сношениях». Многие варианты переименований тогда были отклонены из-за дороговизны осуществления и нецелесообразности.

Всего за 1918–1930 гг. произошли 130 случаев смены названий у населённых пунктов. Многие, порядка 30, были облагораживающими, стилистическими. Например, в августе 1918 г. первое подобного рода переименование д. Запердяжье стало д. Цветково и речка Запердяжка – р. Цветочной²⁴.

Гораздо важнее для понимания процесса изменения повседневного сознания 40 политически обусловленных переименований. Первые из них в 1918 г. произошли, как и

²² Нерозник В.П., Горбаневский М.В. Советский «новояз» на географической карте (о штампах и стереотипах речевого мышления). М., 1991. С. 5, 21.

²³ Никитин С.А. Становление советской топонимики в 1918–1930 годах // Отечественные записки. 2003..№2. С. 503-504.

²⁴ Там же. С. 506.

первые продукты монументальной пропаганды, на территории Ярославской губернии. Речь идёт о г. Романов-Борисоглебск, получившим к первой годовщине Октября новое название Тутаев и г. Пошехонье, ставшем Пошехонье-Володарском тоже в 1918 г. Позднее в 1918 г. в РСФСР появился первый г. Ленинск, в 1919 г. первый Троцк, Советск и др.²⁵

Первым идеологически обоснованным и персонифицированным в образе местного героя революции переименованием в Советской России стал старинный волжский город Романов-Борисоглебск. Любопытно, что изначально переименованный г. Романов-Борисоглебск носил иное, более сложное название, чем Тутаев.

7 ноября 1918 г. романовские активисты приняли решение о переименовании своего города к первому юбилею пролетарской революции, а 9 ноября 1918 г. утвердили в протоколе №56 на пленарном заседании Романово-Борисоглебского уездного исполкома новое название города Тутаев-Луначарский. До начала декабря 1918 г., целый месяц, город носил двойное название. Лишь по просьбам НКВД в лице его главы Г.И. Петровского и, должно быть, самого А.В. Луначарского 9 декабря тутаев-луначарцы убрали вторую часть названия²⁶. Город обрёл своё окончательное и по сей день наименование Тутаев.

Возможно власти, помимо моральных факторов, решили помочь романовцам сэкономить на расходных материалах. Сами же романовцы, безусловно, хотели не просто увековечить память о двух важных для города событиях – смерти земляка-героя, молодого человека Ильи Павловича Тутаева²⁷ ранним утром 11 июля 1918 г. при подавлении ярославского восстания и визита наркомпроса летом того же года в Романов-Борисоглебск с лекциями.

Несовместимые, на взгляд «издалека», события соединились в сознании романовских коммунистов. Вероятно, логику местных партийцев можно объяснить так. Местные большевики большей частью были романовцами по рождению и двойное название города настолько вжилось в их сознание и историческую память (оно было закреплено за городом в 1822 г., тогда же произошло и территориальное объединение двух, стоящих друг напротив друга и разделенных р. Волгой, небольших городков Романова и Борисоглебска), что совершая даже этот исключительно революционный жест им невольно, подсознательно захотелось, чтобы новое название оставалось двойным, как и прежде. Тем более данное предположение оправдывает себя, что запасным и неутверждённым вариантом переименования города был опять-таки двойной топоним Коммунар-Спартак.

²⁵ Там же. С. 507-508.

²⁶ Конюшев К.В. Указ. соч. С. 57.

²⁷ Как ни удивительно, Илья Павлович Тутаев (1897–1918) – романовец лишь в первом поколении. Его семья переехала из сельской местности Бежецкого уезда Тверской губернии в 1912 г. в дер. Куприянцево в 10 верстах от Романово-Борисоглебска в поисках лучшей жизни. Устроился он на работу в земскую овчарню. Был уволен за «горячность и порывистость», за то, что «резал правду в глаза». В 1916 г. стал солдатом лейб-гвардии егерского полка. По возвращении из армии поступил в романовскую Красную гвардию. Погиб в перестрелке между «своими», оказавшимися на Лопатинских дачах в 18 км от Ярославля вместо ожидаемых там белогвардейцев.

С.А. Никитин справедливо отмечает, что на первом месте уже в раннем советском топониме стоял глубокий семантический аспект, как и в советской литературе на первом плане находилась не художественная, а воспитательная роль²⁸. Политика переименований, подчас доводимая на местах до абсурда, была отражением и диагнозом советской жизни одновременно. Здесь в названиях мы видим и имена вождей российского и зарубежного пролетариата, и местных героев-борцов за светлое будущее. Переименования, как и скульптуры, были и посмертными, и прижизненными. В микротопонимике и в названиях организаций звучали фамилии «пролетарских» писателей (Радищев, Толстой, Герцен, Чернышевский). Задействовали большевики и красную цветовую символику.

Два доминирующих процесса – ломка существующей системы названий и утверждение новой системы ценностей – были неразрывно связаны между собой. Создание новой системы шло в определённой мере за счет разрушения старой. Процессы эти протекали скорее не параллельно, а, пересекаясь. В их диалектическом взаимопроникновении и создавалось что-то наружно – революционно – новое.

В условиях глобального «языкового опрощения», как пишут Нерознак и Горбаневский, стали появляться на свет «монстры языкового бескультурья», так называемый советский «дубовый язык»²⁹. В годы Гражданской войны таких примеров родилось очень много: ул. Красной площади в Петрограде, ул. Чрезвычайки в Костроме, ул. Железнодорожный Всеобуч в Ярославле и Рыбинске, ул. Красных Идей и ул. Обновлённый труд в Кашине, ул. Новый быт в Переславле и др.

Политолог И. Земцов, издавший в Лондоне в 1985 г. монографию «Советский политический язык» указывал, что семантика советского языка отражает не социальную реальность, а идейное мифотворчество, выявляет не объективные процессы, а коммунистическое мировоззрение, наложенное на действительность³⁰. С этим утверждением сложно поспорить.

Рассмотренные аспекты повседневной жизни в новом измерении наталкивают на мысли о том, что в годы гражданской войны происходило перманентное смешение старых основ и новых ценностей. На имперском фундаменте (экономическом, культурном, социально- и этно-психологическом и т.д.) возводилось новое советское здание. Новый герб, но по-прежнему биполярный по своей сути; на старых постаментах возникали новые образы и высекались новые имена; новое название города, но по-старому двойное и пр.

Борьба и взаимовлияние двух миров, двух эонов, как любил говорить Н.А. Бердяев, отражалось в топонимике и продуктах монументальной – она же оказалась в первую очередь ментальной – пропаганды. Эта двойственность жизни и сознания характерна как для столичных городов, так и для провинции.

²⁸ Никитин С.А. Указ. соч. С. 512-513.

²⁹ Нерознак В.П., Горбаневский М.В. Указ. соч. С. 11, 13.

³⁰ Там же. С. 7.

Характерно, что большинство названий были сменены именно в 1918 г. Это был год решающий и «самый тяжёлый», как признавались современники событий Гражданской войны³¹. Первый год нахождения у власти большевиков: разгар Гражданской войны, продовольственная диктатура, национализация всех отраслей экономической деятельности, реквизиции, контрибуции, «красный террор», жизнь в страхе – всё это породило настоящий «синдром 1918 года», обозначавший психологический надлом в сознании горожан, отразившийся, с одной стороны, во всплеске аномалий, в частности повышенном проценте самоубийств среди тех, кто оказался слабее обстоятельств; с иной стороны, во всеобщем привыкании к серой, нищей и небезопасной жизни тех, кто выдержал это экзистенциальное испытанием суровым временем.

В центре внимания социального историка и самой истории находится человек или человеческое общество в пространстве и во времени. Время представляет собой одну из основополагающих плоскостей исторического и физического бытия индивидуума. По этой причине, вопрос об изменении параметров времени человеком и проблема восприятия времени человеком представляются одними из наиболее существенных в освещении истории повседневности России в годы революции и гражданской войны.

Если описанные выше пространственные и ментальные элементы повседневной жизни, как-то: жильё, продовольствие, коммунальное хозяйство, досуг, аномалии – находятся почти что на поверхности изучения, то тема времени едва уловима. Это ни в коей мере не снижает важности рассмотрения данного сюжета, ведь представление о времени и сам характер времени, переживаемого страной в затронутую переломную эпоху, нельзя не отнести к базисным основам и ментальной, и реальной жизненных парадигм городского жителя.

С одной стороны, во времени находят категорию метаисторическую, философскую. В то же время, оно представляет собой конкретный способ измерения исторического процесса. Выделяют массу разновидностей времени, в зависимости от положенной в основу классификации идеи: время астрономическое (физическое) и космическое, застойное и революционное и пр.

Политика в 1917 г. в России вошла, вмешалась и во время, как фундаментальную систему измерения прошлого, настоящего и будущего. Цели, преследуемые большевиками в данном направлении, были различны. Одна из первостепенных, на наш взгляд, задач коммунистов заключалась в том, что они хотели «юридически», с помощью законодательства открыть новую эру в истории России. Не только фактически, совершив переворот и придя к власти, но и формально закрепить всё, ими сделанное, посредством реформ календаря и часоисчисления, что, в свою очередь, в перспективе приводило к определённому перевороту в массовом сознании в Советской России. В этом свете и следует оценивать их мероприятия в указанной сфере.

³¹ ГАЯО. Ф. Р-849. Оп. 1. Д.22. Л. 9об.

Буквально открыть «новую эру» удалось с помощью календарной реформы. В России григорианский календарь мог быть введён гораздо раньше октября 1917 г. Необходимость исправления асинхронности применявшегося в Российской империи юлианского календаря по отношению к общеевропейскому григорианскому обсуждалась ещё при Николае II. Старый режим, дискутировавший совместно с церковью и представителями науки по этому вопросу, не стал форсировать события и рисковать, опасаясь, видимо, последствий, в том числе и непонимания реформы в массах. Рискнули большевики.

Григорианский календарь был введён декретом СНК РСФСР от 24 января 1918 г. (опубликован 25–26 января 1918 г.). В соответствии с ним была введена поправка в 13 суток, и следующее после 31 января 1918 г. число считалось не 1, а 14 февраля. Дни недели в обоих календарях совпадают, и поэтому при переходе от одного из них к другому день недели сохраняется. Так, 10 апреля 1870 г. по старому стилю и 22 апреля 1870 г. по новому стилю приходятся на пятницу³².

Время в прямом смысле сжалось. 13 дней – почти две недели были выброшены из календаря и из жизни людей. Тогда, на рубеже 1917–1918 гг. само время всё ещё было особым, быстрым, революционным. Появился новый стиль во времени, дополнявший новый силовой стиль поведения у власти и в гуще народной жизни.

В повседневной жизни календарная реформа произвела бы больший эффект, если бы обыватели не пережили страшных потрясений 1914–1917 гг. Зато началась серьёзная путаница – то, чего, по всей видимости, боялись дореволюционные власти. Особенно в провинциальных городах.

Потрясающие сведения сообщает в своём дневнике вологодский крестьянин А.А. Замараев, проживавший в своей деревеньке в двух верстах от Тотьмы, небольшого городка Вологодской губернии. 1 января 1919 г. по поводу Нового года в г. Тотьма он записал: «В церквях и у власти новый год уже отпраздновали ещё 18 декабря. Но народ праздновал сегодня»³³. Новый год в этом же городе на р. Сухона 1 января 1920 г. праздновали уже в более привычные сроки: «Крестьяне все празднуют, в городах нет. Новой год. Кто старой, кто новой, такая путаница»³⁴. Исходя из приведённых выдержек, можно увидеть, что первый Новый год после начала проведения реформы вызвал настоящий сумбур в головах провинциальных горожан. 13 дней они отсчитали почему-то в обратном направлении и отмечали приход 1919 г. в ночь с 18 на 19 декабря. Годом позднее Новый год крестьяне отмечали с 31 декабря на 1 января, а горожане, очевидно, с 13 на 14 января, так называемый Старый Новый год, видя в нём настоящее начало года. Хотя официальное начало года приходилось, как и прежде, на 1 января.

³² Большая советская энциклопедия. Электронная версия последнего издания в 30 т. 1970-1978.

³³ Дневник тотемского крестьянина А.А. Замараева (1906–1922 годы) // Тотьма: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1997. С. 460.

³⁴ Там же. С. 479.

В более крупных городах официальный Новый год отмечался именно в ночь с 31 декабря на 1 января. Старый же Новый год с 13 на 14 января праздновали тихо протестующие против режима среднегородские слои и интеллектуалы. Они же и свои дневники продолжали вести по старому стилю или двойными датами в пику режиму. Например, москвич Окунев, ярославский юрист Куницын, не смилившиеся с режимом писатель И.А. Бунин, поэтесса З.Н. Гиппиус, историк Ю.В. Готье. В то же время, само преобразование было исключительно позитивно. Даже такой пусть и пассивный, но яркий противник большевиков, как Готье, саму идею перехода на западноевропейский календарь искренне и определённо поддерживал³⁵.

Неразберихи добавили и чисто технические трудности эпохи «военного коммунизма». Проблемы с бумагой, типографской краской и т.д. вылились в катастрофическую нехватку календарей. Одна из статей ярославских «Известий» от января 1919 г. называлась «Отсутствие календарей». В ней говорилось о том, что вышел только монархический Сытинский календарь, но и он не появился в продаже³⁶. Спустя несколько дней вышла новая публикация на ту же тему с ещё более кричащим названием «Календарные хвосты». В магазинах потребительского кооператива «Единение» стали продавать отрывные календари Сытина по 4 р. 25 коп. и по 5 р. настольные, а на улицах их уже перепродавали по цене 7-8 р. за штуку³⁷.

Были проблемы не только с календарями и с выяснением дат, но и с определением точного времени. Ещё осенью 1918 г. в Ярославле не оказалось правильного времени. Вот как об этом писали местные «Известия» в очерке «Нет верного времени»: «Ярославль разбился с часами и не имеет верного времени. Обычно верное время бывает на телеграфе, но там в последнее время часы совсем стоят... Между тем, правильное время в наше время играет особенно важную роль... Из-за отсутствия правильного и одинакового всюду времени часто происходят недоразумения»³⁸. Люди всерьёз опаздывали на службу, на свидания и т.п. Разбитые часы были последствием в первую очередь мятежа. Вдобавок к этому и сигналом общей тенденции утраты ощущения нормального времени.

Отсутствие точных часов и календарей создаёт впечатление дефицита информации и потери самого чувства времени обывателями. Человек терял часть своей цивилизационной плоскости бытия – время. Повседневное пространство сжималось (появление коммунальных квартир, например), повседневное время – тоже. В то же время старый и новый стили счёта дат создавали психологическую основу жизни по двойным стандартам.

³⁵ Готье Ю.В. Указ. соч. С. 206, С. 253; Окунев Н.П. Указ. соч.; Гиппиус З.Н. Дневники. Воспоминания. Мемуары. Мн., 2004; Бунин И.А. Окаянные дни. Ярославль, 1991. Выдержки из дневника ярославского юриста Куницына содержатся в газете Городские новости. 2003. 3 декабря; Там же. 2004. 9 января.

³⁶ Известия ярославского губернского исполнительного комитета советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1919. 12 января.

³⁷ Там же. 1919. 19 января.

³⁸ Там же. 1918. 3 октября.

Если реформа календаря общеизвестна, то гораздо менее изучены преобразования в сфере учёта секунд, минут и часов. Тем не менее, реформа в часоисчислении была проведена большевиками также в годы Гражданской войны.

Да, ещё изменилось и само времяисчисление. Советская Россия в 1919 г. перешла на общемировое время. Дело в том, что до революции в Российской империи не было чёткой системы часовых поясов и, кроме того, сам счёт времени не соответствовал общемировым стандартам. Таким образом, Россия жила не только с календарным отставанием от Европы, но и по собственному счёту времени.

Местное время, различное в пунктах с разной географической долготой, создавало неудобство в его практическом применении при междугородних и международных сообщениях. Для устранения этих неудобств в конце XIX в. во многих странах мира была принята система поясного времени, для чего вся поверхность Земли была разбита на 24 часовых пояса, простирающихся вдоль меридианов с долготой, кратной 15°. В РСФСР поясное время было введено с 1 июля 1919.

Его введению предшествовал целый ряд декретов и постановлений СНК, начиная с весны 1919 г. Одним из первых и основополагающих звеньев в этой серии законодательных актов стал декрет СНК «О введении счёта времени по международной системе часовых поясов» от 15 марта 1919 г. В нём оглашались причины перехода на международные стандарты: «В целях установления однообразного со всем цивилизованным миром счёта времени в течение суток...». Пункт №1 предполагал деление страны на часовые пояса с 1 апреля 1919 г. В пункте №6 предусматривалось продолжение практики осуществления декретного времени, начавшейся ещё в конце 1917 г. Суть его состояла в следующем: при переводе стрелок часов для наиболее выгодного использования дневного света в отдельных районах допускалось отступление от времени соответствующего пояса только на целое число часов без изменения минут и секунд³⁹.

Не всё было так просто. Спустя месяц, весной 1919 г., было принято постановление об отсрочке введения в действие декрета об исчислении времени по международной системе часовых поясов по техническим причинам⁴⁰. Наконец, в июне 1919 г. постановлением «О правилах введения в действие декрета об исчислении времени по международной системе часовых поясов» было определено окончательное время перехода на поясное время с 1 июля 1919 г. Обе столицы, Москва и Петроград, оказались во втором часовом поясе⁴¹.

В рамках этой реформы вводилось не только поясное деление, но уточнялось и само время. В Костроме, например, проведение в жизнь декрета «О введении счёта времени по международной системе часовых поясов» подразумевало перевод стрелки часов назад на 30 минут 17 секунд. Любопытно, что Кострома была разделена тогда на 2 часовых пояса: Кострома на правом берегу р. Волга была отнесена ко второму поясу, а основная часть города на Волжском левобережье оказалась странным образом в третьем поясе, на час назад

³⁹ Собрание узаконений рабоче-крестьянского правительства (СУ РКП). 1919. №6. Ст. 59.

⁴⁰ СУ РКП. 1919. №14. Ст. 147.

⁴¹ Там же. №28. Ст. 314.

от Москвы⁴². В Ярославле, входившем, как и обе столицы, во второй часовой пояс, для перехода на международный стандарт требовалось отнять 39 минут 29 секунд от местного времени⁴³. Почему для совпадения нового времени отбрасывалось разное число минут и секунд? Ответ на этот вопрос даёт энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. В статье о времени можно встретить следующее важное уточнение: «Разность между местными временами, считаемыми в один и тот же физический момент в различных местах, равняется разности долгот этих мест, выраженной в часах и долях часа»⁴⁴. Таким образом, получается, что до 1919 г. время в разных городах, пусть и в одном часовом поясе, отличалось в минутах и секундах, в зависимости от градуса долготы. Таким образом, для унификации общепоясного времени в городах отбрасывали «долевые» излишки, неточности «старого» времени.

Россия стала жить по новому времени в соответствии с мировыми стандартами. Вряд ли равенство на международные нормы было единственной причиной, заставившей власти совершить эти преобразования. Важно было семантическое значение введения нового времени как символа начала качественно иной жизни в стране. То был очередной пример политики саморекламы и социально-психологической инженерии.

При большевиках стал практиковаться и перевод стрелок часов в зависимости от сезона. Для рационального использования светлой части суток часы стали переводиться в весенне-летнее время на некоторое количество часов вперёд по отношению к поясному времени. Речь идёт о так называемом декретном времени. В Большой Советской энциклопедии указано, что «в СССР часы переведены на 1 ч вперёд в 1930»⁴⁵. Возможно, речь идёт о первом общесоюзном переводе стрелок. В РСФСР впервые уже в конце 1917 г., исходя из серьёзных материальных сложностей, СНК принял решение о переводе часов на один час назад⁴⁶.

Обоснование, прописанное в законодательных актах по поводу перевода часовой стрелки, было весьма четким и говорило само за себя. Вот, к примеру, что звучало в постановлении о переводе часовой стрелки в ночь с 31 мая на 1 июня 1919 г.: «В целях экономии осветительных материалов и топлива, СНК постановил: передвинуть часовую стрелку... ещё на один час вперёд, на время с 1 июня по 15 августа 1919 г. включительно»⁴⁷.

В отличие от сегодняшнего дня, стрелки часов переводились по много раз в год, что приводило вновь к определённым неясностям и перегибам. В 1918 г. стрелки часов переводили с 15 на 16 мая – на 1 час вперёд, с 1 июня – на 2 часа. Общий перенос составлял три часа. В последующие годы гражданской войны эта практика продолжалась, но уже стала

⁴² Красный мир. Орган Костромского губернского исполнительного комитета советов и губернского комитета РКП (б). 1919. 10 июля.

⁴³ Известия ярославского губернского исполнительного комитета советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1919. 12 апреля.

⁴⁴ Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. 1890-1907 гг. в 86 т. с иллюстрациями и дополнительными материалами. Электронная версия.

⁴⁵ Большая советская энциклопедия. Электронная версия последнего издания в 30т. 1970-1978.

⁴⁶ Окунев Н.П. Указ. соч. С. 121.

⁴⁷ СУ РКП. 1919. №21. Ст. 258.

более продуманной и сбалансированной. В 1919–1921 гг. в феврале–марте переводили стрелки на час вперед, в марте–апреле ещё на один час, в мае–июне в последний раз. В конце лета начиналась обратная процедура: в последних числах августа – час назад, в конце сентября – ещё час, в конце года – последний раз⁴⁸. Искусственное продление светового дня реально помогало снять часть проблем с освещением улиц и домовладений. В то же время, создавалась ситуация психологического дискомфорта. Порождалось ощущение нестабильности в сознании обывателя от частого изменения времени.

В июне–июле разница между обычным временем и декретным достигала трёх часов. Например, в июне 1919 г. З.Н. Гиппиус записала в своей «чёрной книжке», что после 11 вечера в силу военного положения запрещено ходить по улицам, но тут же поправились, не после 23.00, а после 20.00 «ведь у нас «революционное» время, часы на 3 часа вперёд!»⁴⁹.

И.А. Бунин, находясь в Одессе 31 мая 1919 г., отметил: «Часы переведены ещё на час вперёд – сейчас по моим десять утра, а «по-советски» половина второго дня»⁵⁰.

Какого только не было времени тогда. «Советское», «революционное», старое, новое, официальное время. Даже в газетах на местах акцентировалось внимание на новизне времени с целью предупредить возможные недоразумения. Так, в преддверии Общероссийского субботника 1 мая 1920 г. костромской «Красный мир» написал, что столовые должны быть открыты для участников работ с 5 часов вечера по «официальному времени»⁵¹. В анонсах событий в ярославских «Известиях» то и дело проскальзывало указание на «новое время»⁵². Это говорит нам о том, что горожане в большой своей части продолжали, вероятно, считать и дни, и часы по старому стилю или попросту не владели информацией, как и точным временем. Поэтому официальная пресса постоянно и уточняла, что всё происходит по новому времени.

В день своего 46-летия, 1 июля 1919 г., известный историк Ю.В. Готье записал: «...жить гораздо лучше во времена тишины и застоя, чем во время столь «интересное», как то, которое мы переживаем»⁵³. Время в те годы действительно было неординарное и противоречивое, дискретное и изменчивое. Персонально-бытовое ощущение времени в ходе революции и гражданской войны у городских обитателей менялось. Светлым, лёгким, молниеносным время было весной 1917 г., в начале революции. 4 марта 1917 г. К.И. Чуковский записал в дневнике: «Дни сгорают, как бумажные»⁵⁴. О годах-столетиях писала З.Н. Гиппиус. «Все шесть лет – шесть веков...», – её мнение о потрясших Россию 1914–1919

⁴⁸ Окунев Н.П. Указ. соч. С. 178, 185, 265, 322, 329, 377, 483; Известия ярославского губернского исполнительного комитета советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1918. 13 сентября; СУ РКП. 1921. №19. Ст. 121.

⁴⁹ Гиппиус З.Н. Указ. соч. С. 235.

⁵⁰ Бунин И.А. Указ. соч. С. 77.

⁵¹ Красный мир. Орган Костромского губернского исполнительного комитета советов и губернского комитета РКП (б). 1920. 30 апреля.

⁵² Известия ярославского губернского исполнительного комитета советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1918. 13 сентября; Там же. 1919. 27 марта.

⁵³ Готье Ю.В. Мои заметки. М., 1997. С. 296.

⁵⁴ Чуковский К.И. Дневник (1901–1929). М., 1991. С. 74.

гг.⁵⁵ Настолько быстро и кардинально, на её взгляд, менялась ситуация в стране под воздействием известных обстоятельств.

В начале властвования большевиков ещё сохранялся бешеный ритм смены событий. 28 октября 1917 г. З.Н. Гиппиус отметила дни-годы, переживаемые ею и согражданами: «Только четвёртый день мы под «властью тьмы», а точно годы проходят»⁵⁶. Однако уже через неделю, 6 ноября 1917 г., она обратила внимание на начавшийся процесс замедления жизни во времени и в пространстве: «...скука. Вихрь событий и – неподвижность»⁵⁷. О дальнейшем времени гражданской войны в Советской России слова из дневников поэтессы также весьма красноречивы и показательны. «Жизнь всё суживалась, суживалась, всё стыла. Каменела, – даже самое время точно каменело. Всё короче становились мои записи. Что писать? Нет людей, нет событий. Новый «быт», страшный, небывалый, нечеловеческий, – но и он едва зарождался... Проходили-проползали месяцы. Уже давно была у нас не жизнь, а воистину «житие» ... Дни – как один день, громадный, только мигающий – ночью. Текучее неподвижное время»⁵⁸.

В апреле 1919 г. И.А. Бунин вторил словам Гиппиус: «...безнадёжность, опять впереди пустой, долгий день, да нет, не день, а дни, пустые, долгие, ни на что не нужные!»⁵⁹. Само время застывало в своём однообразии. Н.П. Окунев 20 июня 1920 г. в дневнике объясняет долгие пропуски в записях: «Не то что нечего записывать, а уж очень надоело однообразие текущего момента»⁶⁰.

Окаменелое, неподвижное, обращённое в прошлое время – не просто впечатление творческой элиты, размышления богемы, затрагивавшей в своих сочинениях и дневниках этот сложный и неоднозначный вопрос. В любом случае их мысли – восприятие простых городских жителей, каковыми они являлись, что для нас в данном случае самое главное.

Вышеприведённые высказывания о времени наталкивают нас на мысли о явном парадоксе и противоречии эпохи, обнажившемся в проблеме исчисления времени. Ведь физическое время в ходе реформ было модернизировано, но время историческое, социальное, повседневное было заторможено или даже заморожено. «Сжимание», «суживание», концентрация, инертное ускорение большого (календарного) времени в связи с календарной реформой протекало одновременно с обращением его назад в ежечасном, ежеминутном, ежесекундном социально-психологическом восприятии. Это, безусловно, отражало вектор дальнейшего исторического развития страны.

Серьёзной проблемой с большими последствиями было отсутствие верного времени – дефицит календарей и часов, – приводившее не только к путанице, но и к потере физически верного счёта и чувства времени.

⁵⁵ Гиппиус З.Н. Указ. соч. С. 6.

⁵⁶ Там же. С. 221.

⁵⁷ Там же. С. 232.

⁵⁸ Там же. С. 9, 10, 245.

⁵⁹ Бунин И.А. Указ. соч. С. 33-34.

⁶⁰ Окунев Н.П. Указ. соч. С. 359.

Заметным явлением оставалась приверженность старому стилю в среде горожан. «Официальное», «новое» время постоянно уточнялось в советских газетах. Время по старому стилю многие продолжали ставить в своих личных записях и дневниках. Новый год отмечали по старому стилю.

Новое измерение и новое время. Большевики старались создать видимость новизны всеобщей и всепроникающей. Проникла она, эта новизна, даже в основу основ – во время, с вероятной целью таким способом запрограммировать сознание масс в пользу партии-преобразователя.

* * *

Мы попытались разобрать важные элементы системы измерений повседневного пространства и времени. Важно для общественного сознания в тех тяжелейших материальных условиях жизни было порвать с прошлым демонстративно и в прямом смысле. Продуктивные, созидательные начинания заменяли этими пиар-реформами, которые, казалось бы, могли подождать до лучших времён, но начинали проводиться уже в период гражданской войны.

Новая топонимика, новые скульптуры, новый календарь, новое время – всё было направлено на производство виртуального позитивно-революционного мира в глазах и в умах советских людей. Самое главное в осмыслении этих преобразований состоит не в том, что СНК следовал мировым стандартам (в этом смысле большевики действительно мало чем отличались от западника Петра I.), а то, что это преподносилось в качестве заслуги именно партии большевиков. Объективно к этим новшествам Россия пришла бы и без большевиков, как и всеобщему начальному образованию, к социальному обеспечению и т.д. Возможно, случилось бы это раньше, чем при большевиках, не будь Первой мировой войны и последовавшей за ней смуты.

Важно, что затронутые в статье формы измерения пространства и времени были употреблены большевиками как тонкими психологами (к слову сказать, настольной книгой В.И. Ульянова-Ленина был труд французского мастера социальной психологии Гюстава Ле Бона «Психология толпы»⁶¹, кроме того, как вы помните, в Европе Ленин ходил в котелке, а вернувшись в Россию в 1917 г. сменил его на кепку, чтобы подчеркнуть свою близость к народу), в целях укрепления своей власти и своего места в сознании масс. Пусть в области реальной жизни имело место лишь ухудшение ситуации, внедрение новых единиц измерения, новых имён и названий в быту должно было сконструировать позитивный образ прогрессивно настроенной власти и одновременно на уровне подсознания внедрить массам утопические «красные» идеи. Это были в определённом смысле настоящие акции саморекламы власти.

Все затронутые перемены в разной степени отражались на повседневной жизни и повседневном сознании горожан. Абсурдность и несвоевременность реформ порождала

⁶¹ *Бажанов Б.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина; *Кривицкий В.* Я был агентом Сталина. М., 1997. С. 89; *Пайнс Р.* Русская революция: В 3 т. Часть 2. М., 1994. С. 71.

абсурд в быту и в сфере ментальности. В головах поселилась не только разруха, но и сумбур. Чего стоит встреча Нового 1919 года в ночь с 18 на 19 декабря 1918 г. в Тотьме. От новшеств у обывателя действительно голова пошла кругом.

Стержневым являлось противостояние в повседневной жизни и в повседневном массовом сознании горожан старого и нового начал. Новая революционная символика требовалась для идеологической борьбы с прошлым во имя рождения нового общества. Живучие же старые привычки, природный консерватизм, инертность традиций горожан вступали в острое противоречие с насаждавшимися новшествами советского строя. Насколько острым и каким был этот процесс по своей сути и последствиям – вопрос весьма сложный. Было и переплетение, и сочетание, и взаимодополнение, и противоборство, и подмена, и вытеснение, и взаимовлияние.

Двойственность процесса отразилась и на его последствиях: в массовом сознании и во многих примерах жизни в новом измерении. Двухосновность нашла своё отражение в государственном гербе: двуглавый орёл был заменён двухосновный гербом РСФСР с изображением серпа и молота. Города с двойным названием невольно переименовывали по-старому с двумя основами (например, г. Романов-Борисоглебск изначально получил название г. Тутаев-Луначарский). Новые названия улиц – с исключительно прежним звучанием. В Костроме, например, в 1918 г. вместо ул. Троицкой появилась ул. Троцкого, а вместо ул. Еленинской – ул. Ленина. Новые скульптуры появлялись на старых постаментах. Повседневная жизнь протекала по двум стилям – новому и старому – в письме, в единицах измерения мер и весов, в счёте времени.

Чем-то отмеченная ситуация напоминает проблему раннехристианского двоеверия на Руси. Новая религия в те времена утверждалась, как и большевизм, «огнём и мечом» и всё-таки не до конца вытеснила язычество. Языческие восстания, убийства первосвященников – этим отмечены конец X – XI столетия. Происходил двойной процесс вытеснения и наслаивания нового культа на старую веру. Монастыри открывались, как правило, на месте старых капищ и кереметей. Стали совпадать некоторые церковные и языческие праздники. В этом двоемирии, возможно, и сокрыт секрет амбивалентности русской души, русского сознания, о чём так много размышлял Н.А. Бердяев.

Попытка «сверху», а не изнутри преобразить пространство и время, где обитал горожанин в эпоху Гражданской войны, натолкнулась на традиции и привычки. Старый фундамент оказался основой нового здания. Здесь вновь победила биполярность.

Внешние деформации не привели к полному, коренному и сиюминутному перелому в сознании и в быту горожан. Посредством реформ прививались новые идеалы, под эгидой которых держались у власти большевики. Исход гражданского противостояния говорит нам о том, что строительство «красных» мифологических конструкций оказалось, как ни парадоксально, ближе российскому патриархальному сознанию, чем идеи движения белых.

В рассматриваемую эпоху в провинциальных городах Советской России налицо была старая повседневная жизнь в новом революционном измерении. Старая жизнь людей из

дореволюционного прошлого в военно-коммунистическом настоящем. В дальнейшем, с вступлением в социальную жизнь первых революционных и постреволюционных поколений, возможно, внешнее было обращено вовнутрь, и произошли качественные изменения в массовом сознании и психологии, приведшие к появлению «homo soveticus». В основной своей массе «советский человек» как социальное явление и феномен этносоциальной антропологии, на наш взгляд, появился не ранее рубежа 1920–1930-х годов.

Об авторе:

Курцев Леонид Николаевич – кандидат исторических наук, генеральный директор Ярославской инновационной компании «Яринтур».